

Керстин Гир

ЗИЛЬБЕР

Трилогия

ТРЕТИЙ ДНЕВНИК СНОВИДЕНИЙ

Роман

МОСКВА
2019

УДК 821.113-34-93
ББК 84(4 Гем)
Г 51

*Издание
исправленное*

Перевод с немецкого
Марка Харитонова

Гир Керстин

Г51 Зильбер: Трилогия. Третий дневник сновидений: Книга третья: Роман / Керстин Гир; пер. с нем. М. С. Харитонова. – М.: ООО «Издательство Робинс», 2019. – 336 с.

ISBN 978-5-4366-0395-7

Шокирующие новости в нашем сонном царстве! Артур оказался вовсе не пай-мальчиком. Он сумел превратить сновидения в самое настоящее оружие. Как его остановить? Именно этим вопросом теперь задаётся Лив и её заклятые друзья.

Отношения Генри и Лив переживают непростые времена: как научиться доверять друг другу, когда всё вокруг так запутанно?

В семье Спенсер-Зильбер также не всё гладко: мама Лив и отец Грейсона решили пожениться, но небезызвестная злая бабушка Рыся имеет свои планы на брак сына.

Искромётный юмор, дружба, загадочные сны, любовный треугольник и шокирующие разоблачения. Да, да, да! Мы НАКОНЕЦ узнаем, кто скрывается под маской Леди Тайны!

Третий дневник сновидений раскрывает все секреты!

УДК 821.113-34-93

ББК 84(4 Гем)

Original published as: Silber. Das dritte Buch der Träume»
© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main 2015
© ООО «Издательство Робинс», перевод,
издание на русском языке, 2016
Все права защищены.
Любое копирование разрешено только
с письменного согласия правообладателей.

ISBN 978-5-4366-0395-7

*Всем мечтателям
и мечтательницам
там, где они сейчас*

*Всё, что нам приснилось
или снится сейчас,
увидено не во сне.*

ЭДГАР АЛЛАН ПО

Пролог

- **П**оговорим о вашем демоне. Слышали ли вы его голос на этой неделе? – Он откинулся в кресле назад, сложив на животе руки, смотрел на неё выжидательно.

Она ответила ему взглядом чудесных бирюзовых глаз, которые сразу его так очаровали. Как, впрочем, всё в ней.

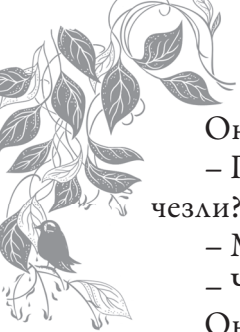
У него, что говорить, за всё время практики ещё не было таких очаровательных пациенток, как эта Анабель Скотт. И ведь как давно он занимался её лечением, но, признаться, так до сих пор и не разгадал причину ее болезни. Каждый раз ей удавалось каждый раз поразить его заново – это ему было неприятно. Его опять и опять раздражало чувство, что она как бы демонстрирует своё превосходство над ним, специалистом с докторской степенью, хотя ей всего-навсего восемнадцать лет и она очень больна.

Но сегодня всё было в порядке. Сегодня он мог всё контролировать.

– Это не мой демон, – ответила она, опустив взгляд. Ресницы у неё были такие длинные, что на щёки от них падала тень. – Нет, я ничего не слышала. И ничего не чувствовала.

– Но ведь тогда это значило бы, что вы... Сколько же времени? Дайте мне быстро прикинуть... Шестнадцать недель не слышали, не видели и не чувствовали демона, не так ли? – Он постарался, чтобы вопрос звучал как бы свысока, ему хотелось её провоцировать.

– Да, – ответила она кротко, и это ему понравилось.

Он позволил себе даже слегка улыбнуться.

– Почему же вы решили, что ваши галлюцинации исчезли?

– Может быть... – Она прикусила нижнюю губу.

– Что? Говорите громче.

Она вздохнула и убрала со лба золотистую блестящую прядь.

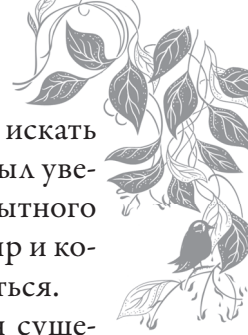
– Может быть, дело в таблетках.

– Это мы знаем. – Он наклонился вперёд, делая для памяти заметки: *аК, дс, В, хр, ферк* – произвольные буквенные сокращения, которые только что для себя придумал.

Он ведь знал, что она их могла прочесть поверх его головы и сейчас спрашивает себя: что это, чёрт побери, может значить? Не без труда ему удалось сдержать торжествующий смех. Да что говорить, она пробудила в нём садистские наклонности и он уже давно вёл себя не как профессионал. Но ему было всё равно. Анабель не обычная пациентка, и ему важно, чтобы она признала его превосходство. Он, в конце концов, доктор Отто Андерсон и когда-нибудь мог бы стать главным психиатром клиники. Дело, которому он посвятил бы остаток своей жизни.

– Таблетки не годятся при лечении полиморфной психотической шизофрении, как у вас, – продолжал он, откинувшись вновь и злорадно наблюдая за выражением её лица. – Впрочем, терапевтическим способом мы многого добились. Мы вскрыли вашу детскую травму и разобрались в причинах ваших болезненных воспоминаний.

Тут он изрядно преувеличивал. От отца девушки он знал, что первые три года жизни она провела в сомнительной секте, где практиковались ритуалы чёрной магии, но сама Анабель ничего об этом не помнила. Даже попытка проникнуть в её память с помощью гипноза – метода, который он непозволительно применял, – не дала результата. На самом деле он был так же далёк от понимания, как и в начале лечения. Он даже не был уверен, действительно ли при-

чины психотических нарушений у Анабель надо искать в детстве, он вообще ни в чём, что связано с ней, не был уверен. Не важно – главное, чтобы она видела в нём опытного врача, который умел проникнуть в её внутренний мир и которого ей надо благодарить за всё, чего удалось добиться.

– Вы должны наконец признать, что ваш демон существует лишь в вашем воображении.

– Ну и не называйте его так больше. – Она отодвинула стул и поднялась.

– Анабель! – строго сказал он. – Всё ведь шло так хорошо. Наш сеанс ещё не закончен.

– Нет, всё, всё, докторишка. Уже звонит мой будильник. У меня назначена встреча с консультантшей, я не хотела бы проспять. Вы можете смеяться, но я собираюсь изучать медицину и когда-нибудь займусь судебной психиатрией.

– Не городите чушь, Анабель!

У него было странное чувство: что-то не получалось. С ней. С ним. С этим помещением. И почему вдруг возник аромат ландышевых духов её матери? Он нервно взял перо. Консультантша – что за вздор? Они находились в закрытом отделении клиники, без его разрешения Анабель никуда отсюда не могла выйти, даже в парк.

– Немедленно сядьте! Вы знаете правила. Закончить сеанс могу только я.

Анабель сочувственно усмехнулась:

– Бедненький! Как будто вы ещё не знаете, что ваши правила имеют силу только для ваших – как вы это называете? – бредовых воспоминаний, ни для кого больше!

У него было чувство, что стало нечем дышать. Какая-то мысль, какое-то воспоминание засели глубоко в нём, какое-то знание, которое надо было проявить. Ибо это было для него важно. Жизненно важно. Но он просто не знал, как это сделать.

– Только не смотрите так перепуганно. – Анабель уже стояла у дверей и тихо смеялась. – Мне, в самом деле, надо

уйти, но на следующей неделе я непременно вас опять навещу. Обещаю. А пока посмотрите какой-нибудь приятный сон. – И, не дав ему ничего ответить, захлопнула за собой дверь.

Он слышал звук её шагов на лестнице. Эта бестия знала, что он просто не может за ней побежать. И показывала всем, что он не держит под контролем своих пациентов. Но это последний раз, когда ей удалось его провести. Больше она не завершит сеанс против его воли. В следующий раз он возьмёт себе в помощь кого-нибудь из персонала, пусть даже придётся её связать. Он ещё не использовал всех возможностей.

Он закрыл историю болезни Анабель и вернул её в ящик стола, а в воздухе всё ещё держался аромат ландышевых духов её матери. И на миг ему почудилось, что он слышит, как её плачущий голос произносит его имя.

А потом они обе исчезли. Осталось то же, что всегда.

Глава первая

На десерт был пудинг из тапиоки¹, но аппетит удалось испортить и без него. Для этого оказалось достаточно истории с Расмусом.

– Почему ты не ешь, Лив? – Грейсон показывал на мой пудинг: блёклый и стекловидный, он колыхался на моей тарелке.

Свою собственную порцию бугорчатой слизи с ананасовым компотом он уже проглотил.

Я отодвинула тарелку к нему.

– Нет, тебе это, может, нравится. Что-то в духе британской традиции. Мне это наслаждение, увы, недоступно.

– Темнота... – пробурчал Грейсон с набитым ртом.

Генри засмеялся.

Было начало марта, вторник, солнце светило сквозь немытое, до потолка, окно школьной столовой. Оно создавало нежные узоры на стенах и лицах, покрывало всё тёплым светом. Мне даже почудился в воздухе аромат весны, но он исходил, наверно, от толстого букета нарциссов на учительском столе, за который как раз уселась моя учительница французского, миссис Лоуренс. Вид у неё был такой, будто она спала сегодня ещё хуже меня.

И всё-таки пахло весной. Грейсон, Генри и я сидели на солнце за нашим любимым столиком, в углу возле дверей,

---

¹ Тапиока (маниоковое саго) – крахмалистое вещество, добываемое из корней тропического растения маниока.

и я уже поняла, что тест по истории на завтра отменяется, – словом, об этом можно было бы вообще не думать, если бы не тяжесть в желудке из-за этой истории с Расмусом.

– В пудинге из тапио тоже есть своя прелесть.

Генри, который предусмотрительно не стал пробовать десерт, улыбнулся мне, и я, на несколько секунд забыв про свои проблемы, улыбнулась ему в ответ.

Всё ещё могло получиться. Как это любила приготавливать Лотти? «Нет никаких проблем, есть задачи».

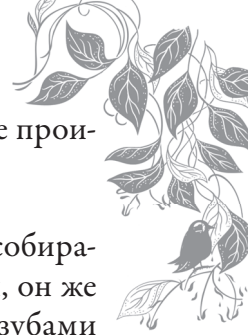
И ведь правда. Как скучна стала бы жизнь без проблем! Хотя проблемы, которые я уже, казалось, решила, росли как снежный ком. К сожалению, именно так у меня и бывает.

Это случилось позавчера вечером, и я совершенно не представляла, как опять выйти из положения.

Генри и Грейсон готовились у нас дома к экзамену по математике, и, когда они уже со всем справились, Генри по пути к выходу заглянул в мою комнату, чтобы пожелать мне спокойной ночи.

Вот уж кого я действительно не ожидала увидеть! И не только потому, что в это время уже полагалось спать, но и потому, что характер наших отношений до сих пор оставался неопределённым и мы ничего не сделали, чтобы можно было говорить не о «несчастном разрыве», а о «счастливом примирении». Все последние недели мы, правда, без лишних объяснений стали опять держаться за руки, а раз другой даже поцеловались, так что со стороны могло показаться, будто всё опять идёт, как прежде, или, во всяком случае, на пути к этому. Но было не так. События последнего месяца и то, что Грейсон рассказал мне о любовных историях Генри до меня, оставили свой след в виде стойкого комплекса неполноценности, сознания своей сексуальной неопытности (или, как выражалась моя мать, отсталости).

Хотя я не чувствовала себя вполне счастливой оттого, что мы опять сблизились, я бы, наверно, постаралась разобраться в этом неясном чувстве между влюблённостью

и счастьем, и, если бы мне это удалось, с Расмусом не произошло бы того, что случилось.

Но тут я сама оказалась к чему-то не готова.

Когда Генри просунул голову в дверь, я как раз собиралась вставить в рот особые прокладки. Зубной врач, он же Чарльз Спенсер, обнаружил, что я во сне скриплю зубами (и я в это сразу поверила), а эти прокладки не давали повредить ночью зубную эмаль. Каково было их действие, судить не могу, больше всего они усиливали слюноотделение, за что я называла их «мои глупые слюнявчики».

При появлении Генри я сразу незаметно спрятала эти вещицы между матрасом и каркасом кровати. Было довольно некстати, что верхняя часть моей пижамы не соответствовала нижней и я выглядела не лучшим образом, но Генри сказал, что клетчатая фланель ему кажется чертовски сексуальной. Привело это к тому, что я его поцеловала, так сказать, в благодарность за комплимент, а за этим поцелуем последовал второй, более длительный, и наконец (я между тем почти утратила чувство пространства и времени) мы улеглись на моей кровати и бормотали друг другу слова, которые звучали как строки из дешёвых песенок, но мне в тот момент они не казались дешёвыми.

Характер наших отношений явно переходил к стадии «счастливой влюблённости», и я уже готова была поверить словам Генри, что фланель в клеточку делает меня безумно сексуальной. Но он на этом остановился, стал убирать пряди волос с моего лба и говорить, чтобы я ничего не боялась.

– Не боялась чего? – спросила я и слегка отстранилась от его поцелуев.

Хватило нескольких секунд, чтобы понять: всё это происходило в реальной жизни, а не, как обычно, во сне, где нам никто не мог помешать, и потому ощущалось сильнее, чем обычно.

Генри приподнялся на локтях.

– Ты сама знаешь. Не боялась, что всё слишком быстро. Что я от тебя чего-то требую. То есть принуждаю к тому, к чему ты ещё не готова. У нас ведь полно времени для твоего первого раза.

Вот тут всё и произошло. Сегодня в ярком весеннем свете школьной столовой я не могла ничего объяснить. Хотя нет... объяснить-то я уже могла, но, к сожалению, от этого не становилось легче. Причиной в любом случае были слова, сказанные Генри. Этот проклятый *первый раз!*

Те самые слова, которые пробуждают комплекс неполноценности, а с ним и нечто близкое – уязвлённую гордость. То и другое заставляло думать, что Генри тяготит моя неопытность, во всяком случае, его взгляд казался порой соболезующим.

Ну что ж...

– Ты думаешь, я ещё не спала ни с одним... парнем? – Я поднялась и натянула на себя одеяло. – Так, так, понимаю. – Я слегка засмеялась. – Ты, играя со своим демоном, всерьёз принимаешь эту чушь о девственности, так что ли?

– Ну... да. – Генри тоже поднялся.

Уязвлённая гордость заставляла меня говорить слова, которые меня саму удивляли не меньше, чем Генри. Разбухший комплекс неполноценности при этом восторженно аплодировал.

Замешательство на лице Генри и то, как он вскинул при этом брови, мне очень понравились, от сочувствия и следа не осталось.

– Мы никогда про это по-настоящему не говорили, – продолжала я лепетать, почти забыв, что надо мной сейчас синее небо, – так убедительно звучал мой голос. – Конечно, у меня было не так много приятелей, как у тебя девушек, но были, были эти... парни... с которыми я была. В Претории.

Генри ничего не сказал, только выжидательно смотрел на меня, поэтому я продолжала:

– Это не была большая любовь или что-то такое, мы жили с ним всего три месяца, но секс с ним был...

В этот момент уязвлённая гордость (мерзкая штучка!) резко отступила, я снова осталась наедине с собой. И тотчас страстно себя возненавидела. Зачем я так сделала? Можно было завести искренний разговор, а я всё только испортила. Прежде всего, я дико раскраснелась, потому что не могла закончить начатую фразу.

– Секс с ним был... Ты слышишь?

Только тут я обнаружила, как напряжённо всё это время Генри смотрел мне в глаза.

– *Был что надо*, – из последних сил пробормотала я.

– «Что на-а-до», – повторил Генри нараспев. – А как... как его звали... этого малого?

Ну да, ещё надо сказать, как его звали... Подскажи, дурацкая уязвлённая гордость! Надо было всё раньше обдумать! Чем дольше задерживаешься с ответом, тем проще тебя поймать на лжи, это знает каждый ребёнок.

– Расмус, – поспешила сказать я.

Не могло мне прийти на ум ничего лучшего, когда я вспомнила о Южной Африке! А ведь я неплохо умела врать.

Расмусом звали астматичного пёсика-чау-чау наших соседей, можно так назвать и человека. Сколько раз я часами гуляла с ним, с мопсом по кличке Сэр Баркс-Алот, и нашей собственной собачкой, Кнопкой.

– Расмус, – повторил Генри, и я с облегчением кивнула.

Звучало не так уж плохо. Для бывшего приятеля можно было придумать имя похуже. Хотя бы Сэр Баркс-Алот.

Но тут Генри неожиданно вернулся к прежней теме, хотя я уже и так чувствовала себя как на допросе. Точнее говоря, он не переменил тему, а снова начал меня целовать. Как будто хотел показать, что он умеет это лучше, чем Расмус. Чего на самом деле совершенно не требовалось. Готова биться об заклад: никакой Расмус в мире не мог целовать лучше, чем Генри!

Это было два дня назад. С тех пор мы ни разу не упоминали этого моего придуманного приятеля. На какой-то момент мой комплекс неполноценности всё-таки возвращался, но вообще-то ложь насчёт Расмуса не дала лечебного результата. Вот почему в тот вторник мне приходилось бороться со спазмами в желудке, и не только из-за пудинга из тапиоки и насмешек Генри.

Грейсон между тем понюхал мою порцию и стал с голодным видом оглядывать столовую, словно ожидал увидеть, не парит ли над нашим столом добрая фея с ещё одним пудингом на блюде.

Но вместо доброй феи мимо нас прошла Эмили, даже не бросив на Грейсона острого взгляда, который для неё был видом оружия. При этом она прямо-таки оттолкнула бедняжку Ванхагена, успевшего отпрыгнуть к учительскому столу, в то время как Эмили продолжала двигаться в сторону раздачи, где её уже ожидала сестра Грейсона Флоранс.

Эмили уже несколько недель можно было считать бывшей подружкой Грейсона. Хотя слово «бывшая» по отношению к ней звучало не совсем убедительно. Можно было лишь восхищаться хладнокровным спокойствием, с каким он встречал Эмили.

– Мне казалось, всю порцию презрительных взглядов я сегодня уже получил на уроках английского.

– Но, похоже, эти порции стали крупней. – Генри наклонился, чтобы лучше рассмотреть Флоранс и Эмили. – Я, конечно, не умею читать по губам, как профессионал, но я почти уверен, что она сейчас рассказывает твоей сестре, что ты видел сегодня во сне. Подожди... Кролика? Так?

Всегда приятно подразнить Грейсона, особенно когда это отвлекает от собственных проблем, поэтому я сразу так и сделала.

– О, значит, какого-то пушистого кролика? Что ещё может Эмили выдать про тебя?

Грейсон положил ложку на тарелку и мягко улыбнулся:

– Сколько же вам объяснять, что вы заблуждаетесь? Эмили ничего не знает про коридор снов. Не говоря уже о том, что она никогда не стала бы шпионить в чужих снах. Для этого она слишком разумна и реалистична.

Можно было бы ответить, что ему самому не хватает фантазии, но сделать этого я не успела, потому что Грейсон продолжил:

– Не понимаю, зачем вы всё время твердите об этом. Уже несколько недель ничего больше не происходило. В любом случае, всё уже позади.

Каждый раз, когда он так говорил (а он говорил это довольно часто, наверно, для того, чтобы убедить самого себя), какая-то часть меня (доверчивая, жаждущая гармонии) хотела верить, что всё так и есть. И ведь действительно: в коридорах снов уже несколько недель царило мирное спокойствие.

– Артур усвоил полученный урок. Он оставит нас в покое, – с нажимом сказал Грейсон.

И доверчивые, жаждущие гармонии голоса во мне тотчас затрубили в те же горны: *Конечно же! Не надо всегда ждать худшего! Люди тоже меняются. В каждом есть что-то доброе. Даже в Артуре.*

– Понятно, Грейсон. – Генри насмешливо сморщил лоб. – И он тебе наверняка давно простил то, как ты ворвался к нему в сон и здорово его поколотил, добрый ты человек.

Артур сидел совсем недалеко от нас, как раз позади учительского стола, за которым мистер Ванхаген оживлённо беседовал с директрисой Кук. В это время сонливая миссис Лоуренс, казалось, вот-вот уткнётся головой в суп. Артур как раз смеялся над чем-то, что сказал Габриэль, демонстрируя при этом свои превосходные зубы. От побоев, которые нанёс ему Грейсон, не осталось и следа, его лицо оставалось таким же ангельским, как прежде. Он произво-

дил впечатление совершенно спокойного, уверенного в себе человека. Я тут же пожалела, что посмотрела на него. Один его вид снова взбесил меня. А другие ведь даже не подозревали, с кем они сидят за одним столом.

– Может, он на меня ещё злится, – предположил Грейсон, – но у него хватает ума, когда нужно, про всё забыть. – Он энергично сдвинул на столе свои тарелки и миски. – Никто не может совсем отделаться от некоторых мыслей, даже если уже перестал бродить по коридору снов, которого вообще-то не должно существовать.

Его явно раздражало, что наши лица выражали сомнения, поэтому он отвёл взгляд, но упрямо выставил вперед подбородок:

– Всё как нельзя лучше.

Жаждающие гармонии, доверчивые голоса во мне теперь окончательно смолкли.

– Ну конечно же как нельзя лучше! – Я посмотрела на Грейсона. – Если не считать мелочей, вроде той, что Артур поклялся отомстить, после того как ему не удалось убить мою младшую сестру. Или той, что истекающая кровью Анабель отменила жуткий сон своего психиатра и продолжает тут бегать. Или что твоя конечно же разумнейшая и морально неуязвимая экс-подружка ночами пробирается в твои сны. Как уже сказано, это всё мелочи. Всё как нельзя лучше.

– Нет, это неверно. – Хотя я перечислила лишь малую часть наших проблем, Грейсон выделил сравнительно безобидную «экс-подружку». – Даже если в коридоре снов вам встретилась действительно Эмили, это был единичный случай. – Он бросил ненужную ложку на поднос. – Не говоря о том, что ей совершенно неинтересны мои сны. Я позаботился о новых средствах безопасности, которые она преодолеть не сможет, – добавил он немного мрачно.

Я чуть было не сказала: «Что ж, не заставит ли теперь этот страшила Фредди повторять по буквам что-то про *пудинг из тапиоки*».

Но тут миссис Лоуренс вскочила и взобралась на учительский стол. И нам стало ясно, что всё это время мы были похожи на людей, которые устроили уютный пикник на краю вулкана. И ведь знают, что в любой момент может начаться извержение, но говорят и спорят о том, как это ужасно, и, лишь когда земля под ними начинает трястись, до них доходит, что это действительно серьёзно. И что они упустили время, когда ещё можно было спастись.

Опрокинув кучу посуды, миссис Лоуренс сразу привлекла к себе общее внимание. Несколько учителей вскочили, потому на их одежду попала вода или сок. У директрисы Кук хватило присутствия духа, чтобы отодвинуть в безопасное место вазу с нарциссами, а школьники вокруг начали перешёптываться.

Миссис Лоуренс было около сорока. Тонким лицом, тёмными волосами и длинной изящной шеей она мне напоминала одну французскую актрису и её долговязого пони по кличке, кажется, Софи. Она предпочитала носить светлые блузки, костюмы от Шанель и туфли на высоких каблуках, на которых могла ходить безумно быстро. Её волосы были уложены элегантно и в то же время небрежно, и она умела посмотреть невероятно строго, если кто-то не выполнил домашнего задания. Вообще, она вполне соответствовала расхожим представлениям о французской учительнице, и нам всегда казалось, что у неё это не от природы, а позаимствовано из какого-то известного кино.

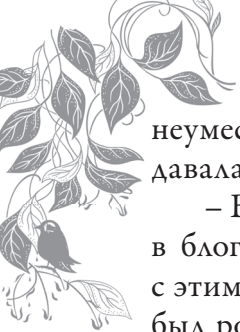
Впрочем, сейчас она была на себя не похожа. Не замечая шума и суеты вокруг, она стояла на учительском столе среди грязной посуды, раскинув драматически руки.

В первый момент я подумала, что она хочет держать речь в духе фильма «Клуб мёртвых поэтов» и цитировать Уитмена¹, чьи стихи хотя того и заслуживали, но были

---

¹ У о л т У и т м е н (1819–1892) – американский поэт, публицист.

неуместны, если иметь в виду предмет, который она преподавала.

– Вы, наверно, знаете, потому что могли прочесть в блоге этой анонимной твари Леди Тайны, что у меня с этим вот Жилем Ванхагеном в последние два года учёбы был роман, – сказала она своим ясным голосом, заставляющим дрожать не только пятиклассников.

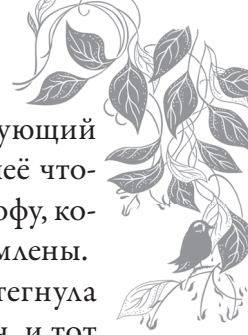
Мистер Ванхаген, как раз пытавшийся с помощью салфетки убрать то, чем его испачкал опрокинувшийся стакан, замер, и лицо его побледнело.

В зале повисла мёртвая тишина.

– Роман, – повторила миссис Лоуренс, и уголок её рта презрительно опустился. – Терпеть не могу это слово. Оно всё делает таким жалким, таким мелким, таким достойным презрения, всё, что для меня было таким чистым, таким чудесным, в чём было столько сладости. Я была так влюблена, так счастлива и так уверена, что мы созданы друг для друга.

Оглянувшись, я отметила, что в зале, полном половозрелых подростков, известных своей чувствительностью, никто не хихикнул, не засмеялся, даже не щёлкнул мобильником, чтобы запечатлеть это примечательное мгновение, я видела только шокированные задумчивые лица. Никто не шевельнулся. Наверно, ещё никогда в славной «Академии Джабс» нельзя было увидеть учителя на столе.

– Я ему верила, когда он говорил, что бросит свою жену, – продолжала миссис Лоуренс и дрожащим пальцем показала на мистера Ванхагена, а тот всё раздумывал, спрятаться ли ему сейчас под столом или просто убежать. – А надо было во всём получше разобраться! – Миссис Лоуренс повернулась на каблуках, опрокинув ещё один стакан. – Мужчинам никогда нельзя доверять, вы слышите, девочки? Им нужно только одно: завладеть вашим сердцем, чтобы потом растоптать его! – Она огляделась и воскликнула: – Надо ли вам это доказывать? Прдемонстрировать вам, что он сделал с моим сердцем?!

Это, конечно, был риторический вопрос, не требующий ответа, но, если бы прозвучало ясное «нет» или в неё что-нибудь бросили, это могло бы предотвратить катастрофу, которая уже совершалась. Но мы были слишком ошеломлены.

Медленно, очень медленно миссис Лоуренс расстегнула свой жакет от Шанель, дала ему соскользнуть с плеч, и тот упал в салат мистера Дэниела. Затем она стала расстёгивать пуговицы на блузке.

– Посмотрите сюда! Я покажу вам, где он вырвал из груди моё сердце.

Я затаила дыхание. И все другие словно перестали дышать. Ещё две пуговицы – и мы увидим, какого цвета бюстгальтер у миссис Лоуренс.

Только директриса Кук сохранила способность шевельнуться. Она осторожно поставила вазу с цветами на пол и вскинула руку:

– Кристабель, моя милая! Слезьте, пожалуйста, со стола.

Миссис Лоуренс уставилась на неё растерянно.

– Но сердце... – пролепетала она. – Я ведь должна им показать моё сердце.

– Знаю, знаю! – сказала директриса Кук, и голос её слегка дрожал. – Слезайте! Пойдёмте ко мне в кабинет.

– Куда?

Миссис Лоуренс медленно опустила руку и огляделась. Каблук её правой туфли оказался в тарелке мистера Ванхагена, и, когда она его вынула, на стол потекли капли горохового супа.

– Что случилось? Как я?.. Почему?..

На лице миссис Лоуренс был ужас, её немного пошатывало, как бывает с человеком, который во сне куда-то забрался и не может понять, где он.

– Всё хорошо, Кристабель, – заверила её директриса Кук. – Вам надо лишь спуститься с этого стола. Эндрю, не подадите ли вы ей руку?

– Почему?.. Кто?.. – Миссис Лоуренс в панике оглядывалась, её взгляд непонимающе блуждал по нашим лицам.

Точно так же, как после приступа лунатизма, случившегося с Мией, меня вдруг озарило, в желудке появилось неприятное ощущение, а вместе с ним пришло понимание. С миссис Лоуренс всё произошло не случайно – это было какое-то представление для нас. Кто-то использовал миссис Лоуренс как марионетку, чтобы что-то нам показать.

Этот кто-то был намного сильнее нас. И он нас опережал.

– Это ведь сон, не так ли? – проговорила миссис Лоуренс. – Конечно же сон.

– К сожалению, нет, – прошептала за моей спиной девушка.

И я почувствовала, что все в этом зале так же, как я, сочувствуют этой заикающейся и шатающейся женщине.

Все. Кроме одного человека.

В то время как мистер Дэниел и всё ещё мертвенно-бледный мистер Ванхаген помогали миссис Лоуренс сойти со стола и повели её к выходу, я медленно повернула голову и встретилась глазами с Артуром. Он, казалось, ожидал этого, взгляд его голубых глаз оставался невозмутимым. Пока на него не стали глядеть и Генри с Грейсоном. Конечно, они подумали о том же, о чём и я.

Артур усмехался. Усмешка его была не просто торжествующей, но какой-то противоестественно удовлетворённой.

Ученики, оправившись от шока, устремились к выходу из зала, Артур слегка поклонился нам.

– Это только начало, друзья мои, – прошептал он несколько мгновений спустя, протискиваясь в толпе мимо нас. – Попробуйте так сами.

